

КОВАЛЕВА ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА

ДЕСЯТЬ лет поет Лидия Ковалева в Большом театре. Поет много, красиво, талантливо. Среди исполненных ею ролей есть не просто удачи, но и значительные творческие откровения, как говорится, стопроцентные попадания в образ, чему, без сомнения, способствовали и прекрасный, сильный, мягкий и ласковый голос, идущий будто от самого сердца, и открытая, добрая душа певицы, и ее огромное трудолюбие.

А между тем за пятнадцать лет моей работы я не знаю другого случая, чтобы одаренный артист так трудно поступал в Большой театр. Помню, после прослушивания на заседании художественного совета голоса резко разделились: одни горячо хвалили красивый голос и музыкальность певицы, другие, считающие себя поборниками системы Станиславского, категорично отвергали кандидатуру Л. Ковалевой, ссылаясь на «нетеатральность» фактуры. Конечно, театр, в том числе и оперный, это — зрелище, где все должно быть прекрасно и красиво, но ведь и Д. Верди первоначально не был принят в Консерваторию за... «немузыкальную» внешность, а Рената Скотто, с таким триумфом выступавшая в Москве во время гастролей Миланского театра Ла Скала, вряд ли может претендовать на сверхтеатральную внешность? Бесспорно, внешние данные — фактор серьезный, но я глубоко убежден, что образ в музыкальном спектакле рождается изнутри, в душе артиста, и тогда сценический рисунок роли, возникший в сознании и в сердце, органичен и естествен, не забывается, не стирается и не уходит из спектакля, подобно изобретательным и даже очень талантливым мизансценам, если они не связаны с музыкальной драматургией произведения.

К счастью, Лидия Ковалева, была принята в Большой театр и сразу же проявила себя как яркая, талантливая и поразительно работоспособная певица.

Случилось так, что первые свои партии она исполнила в спектаклях, которыми дирижировал я, Марфа («Царская невеста»), Маргарита («Фауст»), Микаэла («Кармен»), Чио-Чио-Сан, Леночка в «Октябре» и даже Первая баба в «Семене Котко». Работали мы много и насыщенно, причем Л. Ковалева не позволяла себе даже незначительные фразы петь вполголоса. Но больше всего меня приятно поразила ее редкостная «чистоплотность» в отношении к авторскому тексту.

Радость нашей дирижерской профессии заключается, на мой взгляд, в оплодотворении мыслей и идей, предлагаемых исполнителю. Я бы сравнил это с работой скульптора, успех которого во многом зависит от материала. Если допустима такая параллель в нашем деле, то Лидия Ковалева является идеальным материалом для дирижера — помимо красивого, ласкающего слух голоса, природа наделила ее чуткой и отзывчивой душой, редкой понятливостью, работоспособностью и скромностью. Голос Л. Ковалевой, всегда чистый и звонкий, звучит легко, ей не надо прибегать к разного рода ухищре-

ям для преодоления крайних регистров. Тем не менее понадобилась упорная, кропотливая работа над музыкальной речью, сценическим поведением, освобождением от некоторых навыков и привычек, неизбежно сопровождающих работу артиста в периферийных театрах.

Меня очень грело стремление Л. Ковалевой решать и раскрывать образ прежде всего средствами музыкальной драматургии, как, впрочем, и должно быть в музыкальном театре. Я считаю, что мне очень повезло — я застал поющими таких замечательных оперных артистов, как А. Кривченя, И. Петров, В. Фирсова, Алексей Иванов, А. Огневцев, В. Борисенко и другие, показавших образцы вокально-сценического синтеза в спектаклях Большого театра.

Музыкальная речь Л. Ковалевой всегда ясна и понятна, певица старается не иллюстрировать музыку, а дышать вместе с ней, стремясь к предельной естественности сценического поведения. Это мы видим в заключительной сцене «Царской невесты», где Л. Ковалева — Марфа не пытается выигрывать ситуацию, вызвать к себе чувство жалости, а обращается ко всем с мягкой искренней добротой, вызывая тем самым боль сострадания. А ее мадам Баттерфляй, в финале оперы лишенная какой бы то ни было экзальтации, в здравом рассудке, в своем великодушии и благородстве, ради добра идущая на смерть, кажется, способна растопить и камень. И даже в малюсенькой роли Первой бабы в «Се-

мене Котко» Л. Ковалева сумела тонко схватить характер разбитной малороссийской бабенки, как пружина, раскручивающей озорную сцену встречи селян с Семеном Котко.

Судьба Лидии Ковалевой сложилась нелегко. Рано лишившись родителей, она столкнулась с тяготами и трудностями послевоенной жизни. Наверное, это и определило отношение к труду, который стал для нее жизненной основой, приведшей к таким замечательным результатам. Биографию Л. Ковалевой я пересказывать не стану, о ней можно прочитать в статье Юрия Григорьева в газете «Советский артист» № 11 за 1981 г.

Хотел бы сказать еще об одном качестве Лидии Ковалевой — о ее исключительной доброжелательности и мягкости в отношении к людям, к коллегам, качеству, которого, к сожалению, так недостает многим артистам, и особенно молодым. В этой связи приведу старую притчу о двух соседях: исключительном праведнике и его антиподе. Жили они жили, а когда настало время отбыть в мир иной, оказалось, что праведник попал в ад, а его сосед в рай. Возмущенный праведник обратился с гневным заявлением в соответствующие инстанции. «Я прожил праведную жизнь — не пил, не курил, ни разу жене не изменил, а на нем, простите, пробы ставить негде! За что же этот мерзавец попал в рай?». Ему ответили: «Он никогда не осуждал...».

Как приятно, когда одаренный человек, естественно находящийся в поле зрения многих, воспитывает окружающих своим поведением и скромностью.

Сейчас Лидия Ковалева уже сложившийся мастер, сама обучающая молодежь, лауреат Государственной премии Марийской АССР, удостоена в канун 1983 года высокого звания — «Заслуженный артист РСФСР». И мы сердечно ее поздравляем. Я убежден, что она художник, занимающийся своим делом по высокому призванию.

Фуат МАНСУРОВ,
народный артист Казахской
ССР и Татарской АССР,
профессор.